ПЕРВЫЙ БИОГРАФ ГОГОЛЯ

Имя Пантелеймона Александровича Кулиша (1819-1897), украинского писателя и историка, известно ныне прежде всего как имя автора первой биографии Гоголя и издателя его сочинений. Его “Записки о жизни Н. В. Гоголя…” (СПб., 1856) до сих пор сохраняют свое значение как важный первоисточник целого ряда биографических сведений о писателе. К тому же – и это, пожалуй, главное – влияние Кулиша на представления читателей и исследователей о Гоголе не исчерпывается материалами его книги. Содержанием “Записок…” (и самим тоном повествования) Кулиш оказал воздействие и на других многочисленных гоголевских биографов, прежде всего на В. И. Шенрока – составителя четырехтомных “Материалов для биографии Гоголя” (М., 1892-1896).

Насколько же можно доверять тому облику Гоголя, который создал Кулиш в своих “Записках…”? Уже Михаил Петрович Погодин замечал по поводу книги Кулиша: “Главный недостаток, по нашему мнению, состоит в том, что автор не знал лично своего героя, и потому подле верной черты в его портрете, встречается иногда совершенно ложная”[1]. Помимо других отрицательных отзывов рецензентов на книгу Кулиша, примечателен еще ряд фактов, характеризующих гоголевского биографа.

О графине Анне Георгиевне Толстой, бывшей хозяйке дома, где жил последние годы Гоголь, Кулиш писал Шенроку: “Надобно желать, чтобы приживалки поскорее спровадили в могилу просфорами достойную княгиню, как она, соборне с другими бабами и олухами о Христе Иисусе, спровадила несчастного Гоголя. Тогда очистится в ее доме воздух от идоложертвенного кадила, и очи праведного подвижника Шенрока узрят мою копию автобиографии матери Гоголя”[2]. Думается, от человека, который подобным образом отзывался об одном из духовно близких Гоголю людей, ожидать подлинного понимания духовного пути писателя не приходится.

Характерно еще одно высказывание Кулиша. В 1887 году по поводу “Тараса Бульбы” Кулиш пишет, что Гоголь, “предшествуя нам на безлюдном поприще исторической критики, принимал на веру все, что терпела бумага в темных монашеских кельях… Козацкий потомок был преисполнен веры в то, что существовало только в воображении фанатиков, да в сердце беспощадных обманщиков массы”. К “фанатикам” и “обманщикам массы” Кулиш, предвосхищая соответствующие “положения” марксистской критики, относил “невежественных”, по его словам, “архиереев малорусских”, ревнителей Православия “в Печерском монастыре”, а об украинском народе в целом замечал, что по своему культурному развитию он якобы стоял – “ниже "поганых" татар”[3]. – Имея в виду

подобные воззрения Кулиша, даже Шенрок, которому Кулиш излагал в письмах свои воззрения, счел необходимым соответствующим образом их прокомментировать[4]. – Понятно, что человек, который так отзывался о казачестве, об украинском народе, о Православии, вряд ли мог глубоко разобраться в духовной и писательской биографии создателя “Тараса Бульбы”.

Действительно, “Тарас Бульба” – ключевое для понимания гоголевского мировоззрения произведения – для Кулиша предмет особой острой неприязни. Кулиш не принимал “Тараса Бульбу” за его антипольский, прорусский пафос, наивно полагая, что знакомые поляки, с которыми Кулиш сошелся задолго до написания гоголевской биографии, понимают историю Малороссии лучше, чем Гоголь. А “доверие” Кулиша к польским историкам простиралось до того, что даже восстание Богдана Хмельницкого он ставил в один ряд с пугачевским бунтом, тогда как казаков в своих исторических работах называл не иначе как “разбойниками”.

Взгляды Кулиша – и как историка, и как критика “Тараса Бульбы” – были в свое время подвергнуты серьезной, аргументированной критике в трудах многочисленных авторитетных исследователей: М. А. Максимовича, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Н. И. Костомарова, Н. И. Петрова, Н. П. Дашкевича, Г. Ф. Карпова, А. Н. Пыпина, В. Н. Перетца, И. Я. Франко и многих др.[5] Максимович в письме к О. М. Бодянскому 1862 года, в частности, замечал: “Последняя <…> статья <…> <Кулиша> и объявление его *вторым Кобзарем* <…> показывают в нем украинского Хлестакова, а потому и не сто́ит он серьезной полемики”[6]. В другом письме Максимович добавлял: “За Гоголя необходимо было вступиться кому-нибудь из нас, особенно мне, ибо Кулишовы брехни производят немалый эффект между молодежью украинской, особенно полтавскою: есть великие поклонники, верующие в его писания; даже и относительно Гоголя”[7].

По единодушному мнению исследователей, определяющую роль в формировании взглядов Кулиша как историка и как биографа Гоголя сыграло его знакомство летом 1843 года (когда Кулишу было 24 года) с польским критиком Михаилом Антоновичем Грабовским (1806-1863)[8], – известным в польской литературе как один из основателей так называемой “украинской школы”.

О том, как завязывались отношения Кулиша с польским критиком Грабовским, можно судить вполне определенно. Николай Костомаров писал однажды редактору “Киевской Старины” Ф. Г. Лебединцеву: “Зная Кулиша, как редкий его знал, в течении лет тридцати слишком, я скажу, что это человек с необузданным самолюбием; ему хочется быть чем-то необыкновенным, быть силою, духовным могуществом. И к досаде его ни у своих малоруссов, ни у москалей (великоруссов) не получил он за собой признания такой

власти, какой ему хочется”[9]. Шенрок, познакомившийся с Кулишем в 1880-х годах, также отмечал у гоголевского биографа “болезненно развитое самолюбие и желание первенствовать”[10]. – С самого начала знакомства Грабовский разгадал честолюбивые стремления Кулиша и не стал скупиться на похвалы. Именно Грабовский и посоветовал Кулишу при переезде в Петербург сблизиться там с рядом польских писателей, – в частности, с ректором Санкт-Петербургской католической семинарии И. Головинским, с поляком Л. Л. Штюрмером (впоследствии петербургским военным цензором, запрещавшим на протяжении десятков лет “Тараса Бульбу” к изданию в сборниках для солдатского чтения[11]) и др. В этом смысле Кулиша вполне можно назвать одним из звеньев той польско-католической интриги, которая завязывалась вокруг Гоголя еще при его жизни: княгиня З. А. Волконская, ксендзы И. Кайсевич и П. Семененко, Б. Залесский (Грабовский был с ним в близких отношениях), Адам Мицкевич, Штюрмер.

Позднее Кулиш вспоминал: “Знакомство с Михайлом Грабовским имело своим последствием сближение мое с известным библиоманом Константином Свидзинским, [с любезнейшим из поляков Головинским (старшим братом католического митрополита) и не менее любезными панами Артишевским и Руликовским] <…> и другими знатоками польско-русской археографии. Они все вместе помогли мне в документальном изучении нашего малорусского былого, без чего я никогда не отрекся бы от наших летописных вымыслов, которые до конца жизни повторял Костомаров”[12]. По поводу этого общения Кулиша с польскими историками Михаил Максимович замечал, что «личные беседы с <…> польскими учеными <…> не значат еще утверждения в *здравых понятиях* об исторических явлениях Малороссии. *Новый взгляд* на историю козацкой Малороссии не значит еще верный взгляд, и бывает иногда хуже старого»[13].

Поощрение Грабовским первых литературных опытов Кулиша не замедлило принести свои плоды. Именно со времени знакомства с польским критиком Кулиш вступает в активную “борьбу” с содержанием гоголевского “Тараса Бульбы” (которым сам ранее восхищался). В 1846 году Кулиш, публикуя в первом номере “Современника” отрывки из своего романа “Черная рада”, предпослал этим отрывкам адресованное ему письмо Грабовского 1843 года. Письмо это, заключавшее в себе главным образом негативную оценку “Тараса Бульбы” и исполненное при этом неумеренных похвал Кулишу, стало первым отрицательным отзывом польской критики о повести Гоголя.

Кулиш, помещая “разбор” Грабовского в журнале и называя его “глубоким и многосодержательным”[14], в свою очередь, как и польский критик, преследовал цели отнюдь не литературные. Одновременно с этим он опубликовал свою “Повесть об украинском народе” (СПб., 1846), смысл которой сводился к тому, что, мол, “Малороссия

или должна отторгнуться от России, или погибнуть”[15]. Появление в печати “Повести…” Кулиша привлекло внимание Императора Николая I и вызвало расследование. За свою сепаратистскую деятельность Кулиш был отправлен в трехгодичную ссылку в Тулу; писать ему было запрещено, а потому позднейшие работы Кулиша о Гоголе вышли не под собственным его именем, а под псевдонимом Николай М.

Затаенная неприязнь, личные амбиции, неспособность понять и осмыслить духовный путь Гоголя (“полусумасшедшего поэта”, – как называл Кулиш Гоголя в одном из своих писем[16]) – все это вместе так или иначе отразилось в составленной Кулишом гоголевской биографии.

Двусмысленный характер носит уже самое начало “Записок…”, представляющее собой откровенную спекуляцию на предмет якобы некой «двойственности» личности писателя. «В малороссийских летописях, – начинает Кулиш свой рассказ о Гоголе, – записано два лица, носившие имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшийся из толпы своих темных однофамильцев, был Иоанн, епископ Пинский. Он является в числе провозвестников той унии, против которой воевал герой современного нам Гоголя, Тарас Бульба. Неизвестно, состояли ли предки поэта в каком-нибудь родстве с этим епископом; только Гоголи существовали с давних времен на Украйне»[17].

Упоминая об этом сомнительном “лице” епископа-униата, Кулиш, конечно, не мог не знать, что “первым Гоголем, выдавшимся из толпы своих темных однофамильцев», был не Иоанн, епископ Пинский и Туровский, а упоминаемый Карамзиным в “Истории государства Российского” православный епископ Иоанн (Гоголь), возглавивший в 1405 году Владимиро-Волынскую епархию. Под 1576 годом в «Истории…» Карамзина упоминается еще один “более ранний” Гоголь – «гонец от вельмож коронных и литовских к нашим боярам» Иван Гоголь. Несомненно, знал Кулиш и о том, что известный по «малороссийским летописям» «провозвестник» унии Иоанн Пинский (третий, таким образом, по счету, из известных нам “исторических” Гоголей) называется в украинских летописях, вместе с другими западно-русскими иерархами, поддержавшими унию – и отлученными за это от Церкви, не иначе как «предателем»: «И сих предателей было восемь епископов и один митрополит <…> 4-й Иоанн Гоголь, епископ Пинский и Туровский…»[18]. Очевидно, именно “задней мыслью” и затаенной враждой Кулиша объясняется то, что начать рассказ о Гоголе биограф, вопреки хронологии, предпочел все-таки с имени отступника.

О том, что духовная сторона личности Гоголя осталась непонятной и чуждой Кулишу свидетельствуют и другие факты.

Так, совершенно не отражен в “Записках…” Кулиша церковный быт семьи Гоголей, который, конечно же, не мог не заметить сам биограф по приезде в Васильевку. В сентябре 1854 года он писал П. А. Плетневу о матери Гоголя: “В черном платье, в белом чепце без украшений и с живыми <…> чертами лица, она была похожа на игуменью монастыря”[19]. Ничего подобного в “Записках…” мы не найдем. А между тем, как вспоминал один из школьных приятелей Гоголя, В. И. Любич-Романович, религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе “еще с детского возраста, когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском уезде и был окружен людьми богобоязливыми и вполне религиозными…”[20]. Это же следует сказать и о воздействии на юного Гоголя обширной программы религиозного воспитания в Нежинской гимназии высших наук, где будущий писатель провел семь лет. Домовая церковь, общий духовник, общие утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и окончанием уроков, Закон Божий два раза в неделю, каждый день полчаса перед классными занятиями чтение священником Нового Завета, вечером после занятий чтение книг духовного содержания, ежедневное заучивание наизусть двух-трех стихов из Писания, строгая дисциплина… – таким был определенный Уставом гимназии почти «монастырский» быт ее учащихся (многими чертами этого быта Гоголь воспользовался впоследствии при описании бурсы в «Тарасе Бульбе» и «Вии»). Но напрасно мы бы стали искать всего этого в книге Кулиша.

Аналогичные факты, характеризующие Кулиша как биографа, обнаруживаются и при изучении истории создания “Записок о жизни Н. В. Гоголя…”. Так, еще за год до выхода в свет “Записок…” Кулиш, согласно его собственному письму, располагал уже списком гоголевских “Размышлений о Божественной Литургии”. Текст гоголевского сочинения был подготовлен тогда к печати Степаном Петровичем Шевыревым. Однако и об этом важнейшем произведении Гоголя Кулиш в своих “Записках…” даже не упомянул. Лишь еще год спустя, когда Кулишу представилась возможность опубликовать это произведение в собственной типографии, он воспользовался сделанным списком (судя по всему, не получив на это разрешения у Шевырева). При этом “Размышления…” были изданы Кулишом наспех с многочисленными цензурными исправлениями. По словам историка В. П. Науменко, Кулиш, “будучи особенно заинтересованным выпуском в свет этого издания как первого из своей собственной типографии <…> рад был, что хоть в таком виде получил рукопись из цензуры”[21].

Среди других важнейших рукописей Гоголя, также не упомянутых Кулишом, – многочисленные материалы религиозного содержания. По свидетельству одной из сестер Гоголя, Ольги Васильевны, рукописи эти были в свою очередь предоставлены Кулишу – и даже увезены им с собой. Поводов сказать о них у Кулиша было более чем достаточно. А.

О. Смирнова прямо сообщала ему о чтении Гоголем этих выписок в Ницце зимой 1843/44 года[22]. Однако Кулиш этого не сделал. При этом речь шла не о каких-то отдельных заметках, но о таких обширных сборниках, как “Из книги: Лествица, возводящая на небо”, “Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви”[23]. По поводу всех этих материалов Кулиш счел нужным лишь заметить, что в бумагах Гоголя “найдено множество выписок из разных книг, изумляющих терпеливою тщательностью почерка”[24].

Далеко не безоблачными были и отношения Кулиша с родными Гоголя. В конечном счете настойчивость и “неделикатность” Кулиша по отношению к правам наследников вызвало их недовольство, и мать Гоголя Мария Ивановна передала право издания гоголевских сочинений давнему другу Гоголя славянофилу Федору Ивановичу Чижову.

Хранителем гоголевских автографов Кулиш также оказался не вполне надежным. В 1869 году он, например, подарил не принадлежавшие ему письма А. О. Смирновой к Гоголю в Пражский национальный музей. А в 1885 году на хуторе Кулиша Мотроновка случился пожар, уничтоживший, по-видимому, в числе прочего, ряд хранившихся у него автографов Гоголя. Однако вину за пропажу рукописей Кулиш возложил тогда на родных писателя.

Очевидно, что, при всех заслугах Кулиша в собирании материалов к жизнеописанию Гоголя, с первым биографом писателю определенно «не повезло». Столь же неглубоким, как и Кулиш, оказался впоследствии в осмыслении духовного пути Гоголя и продолжатель Кулиша Шенрок. Позднее В. В. Вересаев, назвавший «Материалы…» Шенрока «бездарной, растрепанной и самодовольно-многоречивой» книгой (хотя и «очень ценной по обилию собранных в ней материалов»), в свою очередь в составленном им “систематическом своде подлинных свидетельств современников” о жизни писателя опять-таки оставил религиозную сторону личности Гоголя в тени. В традиционном «кулишевско-шенроковском» духе выдержан и ряд последующих опытов в составлении гоголевской биографии, вплоть до самых последних. Лишь в новейших биографических работах о Гоголе Владимира Алексеевича Воропаева облик писателя начинает приобретать подлинные, глубоко присущие ему черты “художника-христианина”. Понадобилось, таким образом, почти полтора века, чтобы “традиция”, заданная первым биографом Гоголя Кулишом, была отчасти исправлена в соответствии с реальным содержанием предмета исследования. И все-таки создание научной биографии Гоголя остается во многом делом будущего.

И. А. Виноградов

[1] *М. П. <Погодин М. П.>* <Редакционное примечание> / *Б. А. <Алмазов Б. Н.>* Современник, 1854 г., № IV, V // Москвитянин. 1854. Июль. Кн. 1 (№ 13). Отд. 4. С. 36.
[2] *Зайцев П.* Листи Куліша до Н. Ол. Білозерської // Наше Минуле. 1918. № 3. С. 118.
[3] *Крутикова Н. Е.* Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 278-279, 282.
[4] См.: *Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 245-247; *Федорук О.* Недовідомий лист-спогад І. Нечуя-Левицького про П. Кулиша // Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000. С. 292-293.
[5] Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году // Русский Архив. 1877. № 6. С. 229-232; *Костомаров Н.И.* О казаках // Русская Старина. 1878. № 3. С. 385-402; *Петров Н.И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884. С. 193-198, 269; *Дашкевич Н. П.* Отзыв о сочинении г. Петрова “Очерки истории украинской литературы XIX столетия”. СПб., 1888. С. 64-66; *Карпов Г.* В защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890; *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 210; *Перетц В.* Гоголь и малорусская литературная традиция. СПб., 1902; *Франко И.* Южнорусская литература // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 81. С. 314-315.
[6] *Титов А. А.* Материалы для истории Имп. Общества Истории и Древностей Российских. М., 1887. С. 163.
[7] Там же. С. 166.
[8] См.: *Юровська О.* Куліш і Грабовський // Україна. 1929. № 36, вересень. С. 72-85; *Гнатюк В.* Польський літератор М. А. Грабовський і його приятелювання з П. О. Кулишем // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. 1929. Кн. 23. С. 97-124. К 1843 году относится и знакомство Кулиша с Т. Г. Шевченко.
[9] *Данилов В.* П. А. Кулиш и “Киевская Старина” под редакцией Ф. Г. Лебединцева. Киев, 1907. С. 4.
[10] *Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. С. 205.
[11] См. об этом: *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М., ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2000. С. 196.
[12] *Нахлік Є., Федорук О.* “Около полустолетия назад: Литературные воспоминания” П. О. Кулиша // Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000. С. 141.
[13] *Максимович М. А.* Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада» // Русская Беседа. 1858. Т. 1. Кн. 9. <Отд. 3>. С. 15.
[14] Современник. 1846. Т. 41. С. 234.
[15] *В. Г. Белинский* – П. В. Анненкову. 1-10 декабря 1847 г. Санкт-Петербург // Собр. соч. В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 690.
[16] Пантелеймон Куліш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядковання, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 73-74.
[17] *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 1.
[18] История Русов, или Малой России. М., 1846. С. 33.
[19] *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. № 56. Л. 93.
[20] *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // Русская Старина. 1910. № 1. С. 73-74.
[21] Цит. по: *Воропаев В. А.* Последняя книга Гоголя. (К истории создания и публикации “Размышлений о Божественной Литургии”) // Русская литература. 2000. № 2. С. 192.
[22] *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 2.
[23] См.: *Петров Н. И.* Новые материалы для изучения религиозно-нравственных воззрений Н. В. Гоголя // Труды Киевской Духовной академии. 1902. № 6. С. 297; *Єрофіїв І.* Новий рукопис Гоголя. (З рукописного відділу Музею Слободськоі України) // Червоний Шлях. (Харьків). 1926. № 2. С. 176; *Ерофеев И. Ф.* Рукописи Н. В. Гоголя в Харьковском Историческом музее (бывш. им. Сковороды) <1938> // *РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 63. С. 5; *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 8. С. 828-829, 836-837.
[24] *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 1. С. 292.